

Следующие девять месяцев жизнь превратилась в рутину. Два, а иногда и три раза в неделю мы с Салли хорошо проводили вместе время. Глория приходила ко мне в комнату два или три раза в неделю, чтобы я полизал ее потраханную, наполненную спермой киску. Джумал был, как обычно, неприятным, и были времена, когда мне хотелось сбить с его лица эту глупую усмешку или пнуть по жопе. Я просто не мог понять, что такое видела Глория в этом засранце. Но как бы сильно я ни хотел обидеть сукиного сына, я не стал этого делать. Я просто вспоминал свою ночь «психического здоровья» с Глорией и позволял всему идти своим чередом.

Из-за положения Глории и ее участия в общественной и благотворительной деятельности нам приходилось присутствовать на гражданских мероприятиях или благотворительных обедах, где я на публике играл роль любящего и обожающего мужа, когда внезапно начал замечать некоторые вещи. Оказалось там были люди, пристально наблюдающие за нами. Я начал подумывать, что паранойя Глории не обязательно не имеет оснований. Примерно в то же время со мной произошло еще кое-что. Я играл роль любящего мужа, но Глория не играла роль обожающей жены, по крайней мере, не в той степени, в которой я думал, что она должна была это делать.

Однажды вечером на мероприятии для девочек-скаутов я заметил мужчину, внимательно наблюдающего за нами, и вспомнил, как он делал то же самое на нескольких других мероприятиях. Глория встала, чтобы выйти в туалет, а на обратном пути я перехватил ее, и заключив в объятия, прошептал:

— Не сопротивляйся, просто продолжай, — и я поцеловал ее. Я сделал это настолько страстно, насколько мог, а когда прервал поцелуй, прошептал:

— Посмотри поверх моего плеча, одновременно проведи рукой по моей спине и сожми мою задницу. Ты узнаешь человека, сидящего за третьим столом?

Она сделала, как я просил, а затем сказала:

— Да, это Брайан Мозер.

— Кто он?

— Он возглавляет Фонд Клейтона, а что?

— Прижмись ко мне и веди себя так, будто ты трешься о мой член.

Она сделала это и почувствовала мою эрекцию. Она странно посмотрела на меня и спросила:

— Это сделала я?

— Ты делаешь это уже много лет, леди, но дело не в этом. Повернись и иди на улицу со мной, держась за руки, и я объясню.

Оказавшись на улице, я рассказал ей о лысом парне и о том, как он наблюдал за нами.

— И то, что он видит, — это пылкого мужа довольно незаинтересованной жены. Если мы собираемся разыграть эту фарс, тебе придется оказать мне некоторую помощь. Тебе придется начать вести себя как любящая и обожающая жена, когда мы на публике, по крайней мере, пока у нас не пройдет год или два со свадьбы и медового месяца.

Я расстегнул молнию и достал член.

— Что ты делаешь?

Я погладил свой член несколько раз, пока она смотрела, и сказал:

— Я играю свою роль, Глория. — Я засунул член обратно в штаны, чтобы видна была частичная эрекция, и оставил ширинку расстегнутой. — Я собираюсь вернуться вместе с тобой с расстегнутой ширинкой, и хочу, чтобы ты, проходя через дверь, поправляла лямку бюстгальтера. Попытайся сделать вид, будто ты сейчас ускользнула, чтобы накоротке пообщаться со своим муженьком. Я почти могу гарантировать, что лысый будет пристально смотреть на дверь, когда мы вернемся.

Он и впрямь смотрел, а я посмотрел на Глорию и увидел, что она это заметила, и это заставило ее покраснеть, что было приятно. Тем вечером по дороге домой Глория спросила:

— Все еще думаешь, что я помешана на заговорах?

— Я не знаю, Глори, это могло быть и совпадением.

Она бросила на меня забавный взгляд.

— Почему ты меня так назвал?

— Как?

— Глори. Ты назвал меня Глори.

— Просто пытаюсь привыкнуть.

— Зачем?

— Потому что мы безумно влюблены и должны называть друг друга любовными именами.

После сегодняшнего вечера мне придется вести себя на публике более ласково. Чаше прикасаться к тебе, смотреть на тебя с любовью и делать так, чтобы людей вокруг нас тошнило от всего этого любовного дерьма. Почему-то «сладкие губки», «пуфик» и «горячая штучка», тебе, похоже, не идут, в то время как Глори вполне подходит.

Некоторое время она молчала, а затем сказала:

— Что ты имел в виду, когда сказал, что я занимаюсь этим годами?

— О чем ты говоришь?

— Твоя эрекция, когда ты остановил меня, возвращающуюся из туалета.

— Ах, это.

— Да, это. Что ты имел в виду?

— Просто я, как и любой другой парень, который работает в Стернс, питал к тебе страсть.

— Питал, не питаешь?

— Будь серьезной, Глория. Ты это почувствовала и знаешь ответ.

Остальная часть пути домой прошла в тишине.

Когда мы вернулись домой, нас уже ждал Джумал. Они с Глорией направились к барной стойке в столовой, а я направился в свою комнату. Я как раз скользнул под одеяло, когда в комнату вошли Джумал и Глория.

— Отодвинься, Джек, и освободи место для меня и своей жены. Она хочет, чтобы ее влагалище вылизали, а я хочу посмотреть, как ты это делаешь, ну, ты правила знаешь.

Что ж, это было в сценарии, как я уже описывал Глории, поэтому я подвинулся и освободил для них место. Затем я потянулся к тумбочке и взял книгу, которую читал, подложил под спину подушку и сделал вид, что игнорирую их, читая. Я изо всех сил старался скрыть эрекцию, вызванную видом обнаженного тела Глории и ее стопами. Когда Джумал закончил и вышел из нее, он усмехнулся и сказал:

— Теперь все твое, муженек. — Я перевернулся, чтобы скрыть свой твердый член, и начал свою работу, вылизывая киску Глории. В ту ночь боги были на моей стороне, и в то время когда я вгрызался в пирожок со спермой Глории, она получила два громких оргазма —

громче, чем тот оргазм, что она испытала, когда ее трахнул Джумал. Когда Глория оттолкнула меня: «Хватит, Джек, хватит», я перевернулся, взял свою книгу и притворился, что читаю, пока они вдвоем не ушли. Как только дверь за ними закрылась, я кончил со своей рукой.

Та ночь была первым и последним разом, когда Джумал трахнул Глорию на глазах у меня, а также это был первый и последний раз, когда он видел, как я лижу ее киску. Думаю, его это оказалось слишком хрупким, чтобы он мог справиться с тем, что я доставил Глории большее количество более сильных оргазмов своим языком, чем он своим членом. Чего он не знал и чего я точно не собирался ему говорить, так это то, что такое случалось редко. Как я уже сказал, в ту ночь боги были на моей стороне.

Следующие шесть месяцев пролетели без особых изменений. Я говорю без особых, но небольшое изменение было. Глория стала чаще заходить по ночам в мою комнату. Число визитов увеличилось с двух или трех раз в неделю до пяти, а иногда и шести раз, а сами посещения были немного другими. Если раньше Глория входила в комнату, а затем будила меня, играя с моим членом, пока я не проснусь, после чего сразу садилась мне на лицо, теперь она дрочила меня, пока я не просыпался, а затем продолжала еще некоторое время дрочить, прежде чем перейти к вылизыванию. Затем наступила ночь, когда она продолжала дрочить меня, пока я не кончил. Она вытерла руку о мою простыню и села мне на лицо. После той ночи она дрочила мне до разрядки пару раз в неделю. По дороге на работу ни тогда, ни на следующий день она ничего не говорила.

Салли Энн была ненасытной шлюхой, и доводила меня до истощения. Пару раз Глория спрашивала, не хочу ли я выбрать другую девушку из книги, а я отвечал, что нет. Я не был уверен, но у меня было ощущение, что она думает, будто я, возможно, чересчур много развлекаюсь с Салли. Я не мог не задаться вопросом, не завидует ли она слегка тому, что ее муж так хорошо проводит время с другой женщиной.

Казалось, наш фарс работал, и почти всем казалось, что мы счастливы в браке и являемся любящей парой. Я говорю «почти всем», потому что все еще видел, как Мозер пристально наблюдает за нами. У меня было плохое предчувствие насчет него, и чем чаще я его встречал, тем сильнее становилось это чувство. В нем было что-то такое, что меня напрягало. И вот однажды я обнаружил, что мои чувства оправданы.

Все началось как серия, казалось бы не связанных между собой событий. Я изо всех сил старался избегать Джумала и Глории, когда мы втроем находились в доме, но иногда просто невозможно избежать криков. Это было в один из тех редких вечеров, когда я в своем офисе раскладывал пасьянс на компьютере. Мой офис находился рядом со столовой, где за столом сидели Джумал и Глория, и мне кажется, что они не подозревали, что я нахожусь рядом.

Они спорили, и их голоса во время спора становились все громче и громче. Я не разбирал всего, но суть заключалась в том, что Джумал рассчитывал стать ее следующим мужем, как только я останусь не у дел. С другой стороны, Глория так не считала. Ее точка зрения заключалась в том, что причины, по которым она не может выйти за него замуж, сохранятся даже после того, как я уйду. Я думаю, что она шокировала как меня, так и Джумала, заявив, что для нее было бы социально неприемлемо выйти за него замуж. Куда это зашло, я не знаю, потому что Джумал вскочил и вылетел из дома, а когда они говорили об этом в следующий раз, меня рядом не было.

Второе событие произошло месяц спустя, когда я пришел домой во время обеда, чтобы поиграть с Салли. После того как она сделала то, что она назвала своим хет-триком, когда я кончил хотя бы по разу в каждое из ее трех доступных отверстий, она сказала:

— Джек, мне нравится с тобой трахаться. Я получаю восхитительное возбуждение, зная, что мужчина, который знаком с моим мужем, регулярно трахает меня, но ты же знаешь, что я делаю это ради денег, верно?

— Я в шоке, Салли Энн. Я думал, что это — мое мужское обаяние и мои способности как жеребца.

Она засмеялась:

— И это тоже. Я хочу сказать, что я хдесь ради денег, а не из любви или похоти. Я — не тупица, Джек, и знаю, что в этом твоём странном браке происходит нечто большее, чем ты хочешь, чтобы знали люди. «Не могу заниматься сексом по медицинским показаниям» — это полная чушь, потому что я видела, как этим занимались твоя жена и этот отвратительный негр. Что бы ни происходило, очевидно, что ты и твоя жена не хотят, чтобы об этом знали люди. Нам нужно обсудить этот вопрос, Джек, и нам надо поговорить о деньгах.

Следующее событие произошло через три недели. Мне позвонил Брайан Мозер и пригласил с ним пообедать. Он сразу перешел к делу:

— Уже в течение некоторого времени я подозреваю, что ваш брак с Глорией Стернс — фикция. Я всегда считал, что она заплатила вам за то, чтобы вы были ее мужем лишь номинально, чтобы она могла обмануть различные благотворительные организации и основные фонды на деньги, которые намеревается потом иметь от ее отца. Теперь у меня есть убедительная информация, что это правда. Я знаю, что вам заплатили два целых пять десятых миллиона за участие в этой афере.

Я хотел что-то сказать, но он меня перебил.

— Не пытайтесь это отрицать, потому что я все равно вам не поверю. Дело в том, что у меня достаточно доказательств, чтобы обратиться в суд и показать, что Глория Стернс пытается обмануть Фонд Клейтона и несколько других достойных благотворительных организаций. И цель этой встречи — убедить вас присоединиться к нам.

— Я не понимаю.

— Да ладно, Джек, вы — не дурак. Мой информатор хочет пять миллионов, чтобы засвидетельствовать эту схему в суде, и хотя лично я считаю, что того, что он говорит, достаточно для победы моего фонда, я не люблю рисковать. Если бы вы дали показания, рассказав всю историю, это стало бы верным делом. Я бы предпочел лучше отдать пять миллионов вам и иметь гарантию, нежели передать их своему информатору и получить неопределенный результат.

— Позвольте уточнить, понял ли я все правильно, мистер Мозер. Вы заплатите мне пять миллионов долларов, чтобы я встал на свидетельское место и дал показания, что мой брак с Глорией фальшивый?

— Это если вкратце, Джек.

— Что ж, мне очень жаль, мистер Мозер, но это была бы ложь под присягой, а я не могу этого сделать. Простите. — Я встал и оставил его сидеть там.

Через три недели Глории вручили бумаги. На нее подали в суд шесть основных и три благотворительных фонда.

— Вот дерьмо! Что мне теперь делать?

— У тебя есть хороший адвокат, и ты должна бороться с ними. У тебя есть время, которое требуется, чтобы дело дошло до суда, и тебе надо использовать его, чтобы забеременеть.

— Забеременеть? Господи, ты сошел с ума. Забеременеть в такое время?

— А какое время будет лучше? У тебя должен быть ребенок, чтобы соответствовать требованиям твоего отца, так что, сделай это сейчас.

— Но я не планировала рожать, пока мы не приблизимся к пяти годам.

— Все меняется, Глори.

— Нет, Джек, нет. Это исключено.

— Подумай об этом, Глори. У тебя есть абсолютно действительное свидетельство о браке после свадьбы, проведенной рукоположенным служителем и засвидетельствованной более чем двумя сотнями человек. А вот чего у тебя нет — это никакого способа доказать, что брак когда-либо был закреплен на деле. Они будут утверждать в суде, что это — брак лишь на словах, что мы с тобой сговорились обмануть эти благотворительные организации, заключив фиктивный брак. Они не поверят никому из нас, когда мы скажем, что у нас брак, который является полным во всех аспектах, включая секс. Если ты забеременеешь, то выбьешь у них этот аргумент. Единственное, что они смогут утверждать, это то, что ребенок не мой, но анализ ДНК опровергнет это.

— Что тебе требуется, так это сесть, составить график своего цикла и выяснить, какой именно день является самым благоприятным для зачатия, а затем в течение недели до и недели после мы будем трахаться как кролики. Только одно. Не дай Джумалу узнать, что мы это делаем, потому что я не верю, что он не попытается вмешаться. Это будет из-за его эго. Может быть, нам следует сделать так, чтобы ты уехала в какую-нибудь командировку, а через день или два я смогу к тебе присоединиться.

— Боже, Джек, я не знаю. Я не готова. Я знала, что мне придется это сделать, но думала, что у меня еще много времени.

— Ну, это твои деньги, Глори... по крайней мере, до суда.

С моей стороны это было глупо, но, эй, рано или поздно это случается почти со всеми. Я влюбился. Плохо было то, что влюбился я в свою жену; ту, что собирается попроситься со мной по истечении пяти лет.

Глория решила, что я прав, и ей требуется сдвинуть график рождения ребенка. Она также согласилась со мной, что было бы разумно не сообщать об этом Джумалу. Причина, которую я ей привел (его эго) для того, чтобы она держала его в неведении, не была настоящей, но Глория этого не знала, и более того, я не мог позволить ей узнать настоящую причину.

Глория сказала Джумалу, что ей нужно уехать по делам в Денвер, и ее не будет пять дней. На следующий день она вылетела в Палм-Спрингс. Я прождал день, а затем уехал в командировку в Атланту, где сел на рейс в Спрингс.

Следующие шесть дней я провел, лежа у бассейна и греясь под солнцем днем и наслаждаясь ночной жизнью Палм-Спрингс по вечерам. И, конечно же, секс. Мы занимались любовью в среднем пять раз в день. Я знал, что единственной целью секса для Глории, каким бы приятным он ни был и насколько бы ей ни нравился, было завести ребенка, который ей нужен, чтобы выполнить условия завещания отца. А также я знал, что она чувствовала себя виноватой из-за того, что делала это за спиной Джумала.

Тем не менее, даже зная все это, я обнаружил, что она может быть страстной,

изобретательной и временами ненасытной. Она никогда не уставала от того, что я лижу ее киску, и всегда хотела, чтобы я начинал занятия любовью именно с этого. Она сходила с ума, когда я лизал, после того как кончал в нее. И вот это я делал с неохотой, пока она не указала, что то, что я вылизываю, в любом случае не попадало в нее. Она была умной, красивой и остроумной, и к концу нашего времени наедине друг с другом она полностью овладела мной: телом и душой. Шесть дней — это все, что Глория смогла устроить, чтобы уехать с работы, поэтому наши сексуальные встречи должны были происходить после того, как мы вернемся домой. Чтобы держать Джумала в неведении относительно того, что мы делаем, даже думая, что это разрывает Глорию, мы трахались либо на ее, либо на моем рабочем столе, после того как все остальные уходили домой, и делали это каждый день, вплоть до дня, когда она сказала мне, что беременна.

Эта новость включила то действие, которое, как я знал заранее, заставит ее вечно меня ненавидеть. Я вспомнил, как она говорила мне, что к концу пяти лет я, возможно, возненавижу сам ее вид, но я и не подозревал, что все будет наоборот. То, что я сделал, я сделал для нее, но я не мог сказать ей об этом и о том, почему я это сделал, по крайней мере, тогда. В ночь после того как она сказала мне, что беременна, я перед уходом вошел в ее офис с бутылкой шампанского и двумя бокалами. Я открыл пробку, наполнил бокалы и протянул Глории один из них.

— За мать и за здорового ребенка.

Мы чокнулись бокалами, а затем сидели и потягивали шампанское, пока бутылка не опустела, а после я вызвал лимузин, и мы вышли из офиса. К тому времени, как я помог ей сесть в машину, подействовал Спешиал К, и Глория была почти в ауте.

— Вот, Глори, выпей это, тебе станет лучше, — и я помог ей выпить стакан воды с таблеткой экстази. Я сказал Маку, нашему шоферу, высадить нас у Хилтона в центре города, а затем быть свободным на остаток ночи. Я поднял Глорию на лифте на седьмой этаж, а когда постучал в дверь, ее открыл высокий красивый темнокожий мужчина. Мы с Дейвом были в одном братстве в колледже, и я договорился с ним об оказании мне этой особой услуги.

Следующие пять часов я ходил, фотографируя на цифровую камеру и снимая видео, в то время как Дэйв и пятеро его друзей трахали мою жену до чертиков. Они использовали ее так, как шесть мужчин могли использовать женщину, и я получил более дюжины ее фотографий с тремя мужчинами одновременно. К концу второго часа Глория просила и умоляла мужчин трахнуть ее, а сама сосала члены сразу же, как только они опадали, чтобы вернуть их обратно. По прошествии пяти часов единственным мужчиной в комнате, у которого все еще оставался твердый член, был я. Никто из остальных шести не мог поднять его снова, сколько бы Глория их не просила и не умоляла, а также не работала руками и ртом, чтобы это произошло.

Уходя, Дэйв сказал:

— Надеюсь, у тебя все получится, приятель. Я знаю, что ты сказал мне, почему это, и знаю, что ты ожидаешь, что это будет только один раз, но если у леди возникнет к этому вкус, не забудь меня..

Глория плакала и скулила, когда шестеро мужчин ушли, она подползла ко мне по полу и попыталась расстегнуть мою молнию, но я отвел ее руки. Мне было почти невозможно сделать это, так я хотел заняться любовью — не трахаться, а заниматься любовью — с Глорией самым ужасным образом, но не мог. Я просто не мог этого сделать, потому что, как бы глупо это ни звучало, это было бы неправильно. Я затащил Глорию на кровать, лег, прижал ее к

себе и крепко удерживал, пока она не заснула.

Я проснулся от боли. Едва проснувшись, я увидел, как Глория взмахивает надо мной настольной лампой, и судя по тому, как я себя чувствовал, она уже приложилась ею несколько раз. Я откатился от нее и встал с кровати, а когда она последовала за мной и снова размахнулась, я схватил ее за руки и выбил из них настольную лампу. Я не стал спрашивать, почему она это делает, потому что уже знал и понимал, что с ее точки зрения я это заслужил. Пока я удерживал ее, она пиналась и кричала на меня, одно ее колено задело мою мошонку, и я упал обратно на кровать. Я обеими руками прикрывал драгоценности, вздрагивая от боли, когда она подошла к сумочке и что-то достала. Она вернулась, забралась на кровать и села на меня.

— Ты, прогнивший гребаный ублюдок. Это из-за тебя, ты, жалкий членосос, так что тебе лучше высосать все это, — а затем она развернулась в позицию 69, схватила мой член, и я почувствовал что-то холодное на нем. Она села мне на лицо и засунула свою наполненную спермой киску прямо мне в рот.

— Тебе лучше выпить из меня все до последней капли, ублюдок, или я отпилю твой член, — и я еще раз почувствовал на своем члене холодную сталь.

Я боролся с тошнотой, вызванной ударом по яйцам, и начал вылизывать пизду Глории, как будто моя жизнь зависела от того, буду ли я делать то, что она хочет, и конечно, так и произошло. Мне так хотелось спасти свой член, что я даже не знаю, когда это случилось, что ее руки отпустили мой член, а она начала плакать и испытывать оргазмы, но, в конце концов, я осознал, что похоже, я — вне опасности. К тому времени чувство вины, которое я испытывал за то, что сделал с ней, взяло верх, и я считал, что каждая капля спермы, высосанная из Глории, будет частью моего наказания. Я оставался на ее киске, пока она опять не упала на кровать, измученная силой своих оргазмов.

Я быстро встал с кровати, оделся, вышел из номера, спустился в вестибюль и поймал такси. Я попросил его перевезти меня через город в другой отель, где зарегистрировался на двухдневное пребывание, а затем пошел в номер и заснул. Была суббота, поэтому у меня было два дня до того, как мне придется выйти на работу и встретиться с Глорией. Два дня, чтобы спланировать, что ей сказать так, чтобы не сказать ничего по существу. Я не мог сказать ей, зачем это сделал; в любом случае я просто не смог бы убедить ее в правдивости, в том, что сделал это ради нее, не рассказав при этом, почему это так. Ей просто нельзя об этом знать, по крайней мере, пока.

Мне не пришлось поговорить с Глорией в понедельник. Она не пришла на работу и не просила поговорить со мной, когда звонила. Я подумал, что для меня лучше всего остаться в номере отеля еще на пару дней и ночей после работы. Я вернулся и продлил регистрацию еще на два дня. На следующее утро Глория позвонила мне в свой офис.

— Где ты был?

— Живу в отеле.

— Так не пойдет. Судебное дело приближается, и сейчас, как никогда раньше, мы должны быть на виду. Я содрогаюсь при мысли о том, как оппозиция отнесется к твоему пребыванию в отеле, если узнает об этом. Я испытываю ненависть при виде тебя, но мне требуется, чтобы ты был рядом со мной. Мы постараемся вести себя как любящая пара, каковой должны быть. Когда мы одни, просто держись от меня подальше, чтобы я тебя даже не видела.

В таких обстоятельствах я не чувствовал себя комфортно, находясь в доме. За исключением того, что я приходил домой на обед и позволял Салли Энн потрахать себя, я старался держаться подальше от дома, насколько мог. Я занялся делами, которые требовали от меня быть вдали от него. Я вступил в клубы, занялся боулингом и записался в соревнования по боулингу в трех лигах. Меня не было так часто, что Глория зазывала меня в свой кабинет и отчитывала:

— Ты не выполняешь свою часть сделки, Джек. Мне нужно, чтобы тебя видели со мной на публике. Мне не кажется правильным появляться на благотворительном ужине в одиночестве, потому что ты где-то в боулинге или где-то еще по схожему поводу.

— В нашей сделке ничего не говорилось о том, что у меня не будет жизни до нашего развода, Глория.

— Дело не в этом, Джек. Ты нужен мне, чтобы не возникало никаких сомнений.

— Когда мы находимся на публике, я — любящий и внимательный, а твой набухший живот свидетельствует о том, что мы — любящая пара.

Она с минуту смотрела на меня, а затем спросила:

— Что пошло не так, Джек? Что настроило тебя против меня? Что заставило тебя сделать то гнусное дело, которое ты сотворил со мной?

— Скоро узнаешь, Глория. Тебе это не понравится, но ты узнаешь.

Я ожидал этого, поэтому шок на лице Глории, когда Джумал встал на место свидетеля и дал показания о плане Глории, меня не удивил. — Этот ублюдок! Прошлой ночью он спал в моей постели, а сегодня делает это со мной? Я думала, он меня любит.

— Тебе не следовало говорить ему, что ты не собираешься выходить за него замуж, после того как разведешься со мной.

— Что ты имеешь в виду?

— Если ты не выйдешь за него замуж, он не сможет получить доступ к твоим деньгам, поэтому он решил удовольствоваться пятью миллионами, которые предложил ему Мозер

— Что?! О чем ты, черт возьми, говоришь?

— О, будь взрослой, Глория. Любовь твоей жизни только что продала тебя с потрохами. Ты думаешь, он сделал это потому, что считал это своим гражданским долгом? Ему заплатили, Глория, или он думает, что ему заплатят. Если Мозер сделал Джумалу то же самое предложение, что и мне, Джумала за его показания ожидает пять миллионов долларов, но я не думаю, что он достаточно умен, чтобы понять, что Мозер кинет его, если фонд не выиграет.

— Что за сделка? Что, черт возьми, здесь происходит, Джек?

— Просто наберись терпения, Глория, и сама все увидишь.

Адвокат Глории встал, чтобы допросить Джумала.

— Мистер Вашингтон, вам сегодня здесь платят за свидетельские показания?

— Нет, конечно нет.

— Вы говорите мне, что вам не заплатят пять миллионов долларов за то, чтобы вы дали показания и рассказывали эту историю? Очень хорошо подумайте, прежде чем отвечать, мистер Вашингтон. Вы находитесь под присягой, и за лжесвидетельство будете строго наказаны.

Джумал начал потеть. Откуда юрист мог узнать точную сумму? Он посмотрел на стол, за которым сидели Мозер и его адвокаты.

— Ну же, мистер Вашингтон, не стоит смотреть на этот стол для получения совета, просто «да» или «нет», вам заплатят пять миллионов долларов за ваши показания?

Было множество возражений, но судья приказал Джумалу ответить на вопрос, что он и сделал, и, будучи Джумалом, солгал:

— Нет, не заплатят.

Затем пришла группа людей, которые свидетельствовали о завещании, его положениях, о том, какими, по их мнению, были намерения отца Глории, и тому подобное. Мы пошли на обед, и пока я ел, Глория ерзала и теребила салат.

— Как ты можешь есть в такое время? Я думала, что ты поступил со мной достаточно плохо, но это... это просто невероятно. Этот ублюдок продал меня... Мне хана.

— Это не конец, пока толстая дама не споет Глорию.

— О, черт возьми, Джек. Весь мой мир готов рухнуть, а ты сидишь и говоришь, мол, не волнуйся, будь счастлива.

— Хорошо, ты выиграла, жизнь, которую ты знаешь, закончилась. Что, кстати, и правда — жизнь, какой ты ее знала, закончилась, но это не значит, что жизнь, которую ты продолжишь, пройдет без твоих денег.

— Что, черт возьми, это значит, Джек?

— Неважно, что мы сделаем, чтобы обезвредить свидетельство Джумала, факт остается фактом: он был твоим любовником, и он может сказать достаточно, чтобы люди могли все проверить и подтвердить некоторые из них. Ты — неверная жена. Моя жена. Социальные круги будут знать, что у тебя был негр-любовник. Ты изменила своему мужу, и все это станет достоянием общественности после этого суда, независимо от того, выиграешь ты его или проиграешь. Так что, да, Глория, жизнь, которую ты знала, завершилась. Твои настоящие друзья сплотятся вокруг тебя, а те, кто ни на что не годен, будут избегать тебя как чумы. Лучшее, что ты можешь сейчас сделать, — это выпятить подбородок, высоко поднять голову и продолжать жить.

Суд опять собрался, и настала наша очередь. Наш адвокат вызвал свидетелей, которые присутствовали на нашей свадьбе. Вызвали священника и подтвердили, что он был рукоположен и уполномочен заключать браки в нашем штате, и что он заключил наш, после того как получил копию законного разрешения на брак. того, что это правда?

— Я бы попросил, что вы предъявили эти доказательства одновременно с доказательствами того, что вы заплатили мистеру Вашингтону пять миллионов за то, чтобы он выступил в качестве свидетеля и дал лжесвидетельство. Более того, у меня есть этому доказательства. Что ж, на самом деле это косвенное доказательство, но достаточное для любого думающего человека.

— Я не думаю, что когда-либо слышал о концепции косвенного доказательства.

— Я отвечу на ваш вопрос вопросом. Если бы у вас было два с половиной миллиона в левой руке и пять миллионов в правой, и вам сказали, что вы можете выбрать либо то, либо другое, что бы вы выбрали?

— Пять, конечно. Любой здравомыслящий человек делает именно такой выбор.

— Итак, если бы мне заплатили два с половиной миллиона, чтобы я был фальшивым мужем, я был бы глупцом или сумасшедшим, если бы отказался от пяти миллионов, которые Брайан Мозер предложил мне, чтобы я выступил и сказал, что мой брак был фальшивкой, не так ли?

Было много криков, ударов молотком, тыканий пальцами и угроз судебного преследования, пока я не представил сделанную мной запись встречи с Мозером. Глория безоговорочно выиграла, и судья сказал Мозеру, что собирается порекомендовать окружному прокурору судить Мозера по полудюжине различных обвинений. К сожалению, на записях не было названо имя информатора, на которого ссылался Мозер, хотя все и знали, что это должен быть Джумал, но поскольку не было доказательств, ему удалось увильнуть.

Поездка домой прошла в молчании, пока мы почти не оказались на подъездной дорожке. Большую часть пути домой Глория пялилась на меня, и, наконец, сказала:

— Фотографии шантажа, которые, по твоему мнению, у тебя были, были сняты в ту ночь, не так ли?

— Да.

— Ты заранее знал, что собирается сделать Джумал?

— Да, знал. Я знал, что у меня должен быть способ разрушить его показания о продолжающемся романе с ним, и что они должны быть достаточно реальными, чтобы пройти экспертизу, если будут предъявлены в суде. Единственный способ сделать это достаточно реальным, было сделать это реальным на самом деле.

— Но как ты узнал?

— За это ты обязана Салли Энн, и я сказал ей, что ты проследишь, чтобы она получила большой бонус, когда все уляжется.

Я рассказал ей, как Салли Энн узнала о том, что медицинская история была фальшивкой, как она услышала по телефону предложение Джумала продать ее за определенную цену, и рассказал ей о том, как я был в офисе, когда они с Джумалом поссорились.

— Я собрал все это вместе, и когда Мозер позвонил мне и пригласил пообедать с ним, я понял, что происходит, и взял с собой на встречу диктофон, чтобы посмотреть, смогу ли я записать его на пленку.

— Почему ты не сказал мне, Джек? Почему ты позволил мне страдать все эти месяцы, думая, что я все потеряю?

— Я не доверял тебе, Глори.

— Ты мне не доверял? Что, черт возьми, это значит?

— Я сказал неправильно. Я имел в виду, что не верил, что ты не будешь вести себя как женщина в любовной горячке.

— Ты еще больше запутал меня, Джек. Что это значит?

— Это означает, что когда я узнал, что Джумал продал тебя, то вспомнил наш первый совместный ужин тем вечером, когда ты предложила мне сделку. Твои слова были такими: «Любовь слепа, Джек. Я обожаю его. Неважно, что он сделает, я найду ему оправдания». Если бы я сказал тебе то что узнал, ты бы сказала: «Фигня, Джек», и побежала к нему с моей «нелепой» историей. Он бы позвонил Мозеру, и они бы узнали, что мы их поймали.

Единственным способом, по которому моя запись сработает, — это если они никогда ее не увидят.

— Ты мог хотя бы поделиться этим с нашим адвокатом.

— Он — твой адвокат, Глори, а не мой, и должно было случиться то же самое, чего я не хотел. Я говорю ему, он обсуждает это с тобой, ты противостояешь мне, а затем бежишь в Джумалу.

Несколько мгновений она молча смотрела на меня, а затем сказала:

— Почему ты сделал это, Джек? Почему ты отказался от пяти миллионов, оставив только два

с половиной?

— Ты все еще не понимаешь этого, Глори? Такая умная как ты и такая хорошая бизнесвумен, ты все еще не понимаешь этого? Я думал, что твой отец передал тебе это через своей гены. Подумай об этом, Глори, подумай об этом и посмотри, что ты придумашь. Я иду спать. Завтра нам рано вставать. Из-за этого суда мы слишком долго не выходили в офис, а работа накапливается. Спокойной ночи.

Когда я шел к своей комнате, она крикнула:

— Джек. — Я повернулся, и она сказала:

— Спасибо, Джек, спасибо тебе за все. — Я улыбнулся ей, повернулся и пошел в свою комнату.

Я был удивлен, когда примерно через два часа в мою комнату вошла Глория. В основном я был удивлен, потому что она не разбудила меня, поглаживая мой член, как обычно. На этот раз она разбудила меня минетом. Разбудив, она сказала:

— Я возбуждена. Мне требуется снять напряжение. На этот раз во мне ничего нет, но не думаешь ли ты, что все равно сможешь меня полизать?

— Да, я думаю, что смогу это сделать.

Я начал с работать ней, и шел медленно и легко, чтобы она могла расслабиться, но на самом деле она не хотела расслабляться — чтобы снять напряжение — ее руки впились в мои волосы, и она притянула меня к себе и начала стонать. Это началось с тихого шипения «Да, да», затем перешло в «о боже, боже, боже», а затем превратилось в «трахни меня, трахни меня, трахни меня, боже, пожалуйста, трахни меня!». Да, но сначала мне было неудобно. Как только мы узнали, что Глория беременна, мы перестали заниматься сексом, поэтому я никогда не занимался с ней любовью при ее большом животе. Я, наконец, сообразил, что делать, и я выполнил свою работу, а затем Глория снова удивила меня — она легла рядом со мной, прижалась к моей груди и уснула.

Когда я проснулся утром, Глория не спала, лежа на боку, опираясь на локоть и глядя на меня сверху вниз, глядя мой член.

— В чем дело? — спросил я.

— Что ты имеешь в виду?

— Вчера вечером у меня была голова, киска и партнерша по ласкам, а сегодня утром, если я сильно не ошибаюсь, меня опять ожидает секс.

— Девушка возбуждается, когда беременна. Просто у тебя есть оборудование, необходимое для решения этой проблемы.

Я не мог устоять; Мне просто пришлось сказать это:

— Похоже, ты довольно быстро пережила Джумала. Я ожидал, что ты уйдешь в свою комнату, и всю неделю будешь плакать.

— Я бы, наверное, так и поступила, если бы он бросил меня ради другой женщины или если бы я пришла домой и нашла его в постели с Салли Энн. Но, как ни крути, это произошло, когда он занимался со мной любовью в моей постели, а менее чем через восемь часов после этого в суде обливал меня грязью, что как правило, быстро все убивает. О, послушай, я думаю, он уже готов к игре. Ты же собираешься поиграть, не так ли?..

Мы ехали в машине на работу, когда она это сказала:

— Ты — единственный в своем роде, Джек, и когда тебя сделали, то сломали шаблон.

— Как так?

— Я подумала о том, что ты сказал, и наконец, се поняла. Верность. Это, и тот факт, что ты дал свое слово. Честность и правдивость — вот основные слова, верно, Джек?

Все что я мог сделать, это пожать плечами.

— Кто-нибудь другой взял бы эти пять миллионов и убежал с ними. Я не понимаю, как можно быть таким, а затем лгать под присягой в суде.

— В суде я не лгал.

— Ну, конечно! Человек прямо спросил тебя, заплатили ли тебе два с половиной миллиона за то, чтобы ты притворился моим мужем, и ты сказал «нет».

— Это не было ложью.

— Конечно же было.

— Нет, Глория, не было. Мы были в суде, а в суде каждое слово означает именно то, что оно означает. Его вопрос был: «Вам заплатили?». Я не получу денег, пока не истекнут пять лет.

Если бы его вопрос был: «Вам заплатят?» — то если бы я ответил «нет», то солгал.

Она несколько миль молчала, а затем спросила:

— А что насчет другого?

— Что еще?

— Любишь ли ты свою жену? — Это был предельно прямой вопрос, на который ты только мог ответить, и что ты ответил?

— Я сказал «да», не так ли

— Ну и?

— Ну, что?

— Это была ложь.

Я смотрел на нее несколько секунд, а затем повернулся и посмотрел в окно, сказав:

— Нет, не была.

Она смотрела на меня в течение нескольких очень долгих мгновений, а затем сказала почти шепотом:

— О, боже мой!

В то время как я проводил время над нашим судебным делом, накопилась работа, и когда я погрузился в нее, день прошел незаметно. У Глории тоже была полная миска, и мы работали во время обеда, больше не разговаривая до того вечера, когда поехали домой. Не успели мы сесть в лимузин, как она подняла перегородку и сказала:

— Ты сказал, что любишь меня. Как ты можешь сопоставить это с тем, что сделал со мной в том номере отеля.

— У Тины Тернер об этом есть песня. Она называется «Что с ней делать, с любовью?».

— Ты всегда говоришь загадками, Джек? Разве ты не можешь для разнообразия просто дать мне прямой ответ?

— Не загадками, Глория. Ты наняла меня не для того, чтобы я тебя любил. Ты наняла меня, чтобы я получил для тебя тридцать один миллион долларов. Пять часов в гостиничном номере с шестью парнями было не слишком большой платой за такую большой возврат инвестиций, тем более что ты, очевидно, хорошо провела время. К счастью, нам не пришлось использовать эти фотографии в суде, чтобы очернить Джумала, но я должен был быть готовым на всякий случай.

Она молчала почти всю оставшуюся дорогу домой, а когда мы подъехали к подъезду, сказала:

— Что ты собираешься делать с Салли Энн?

— Не знаю. Теперь, когда она все знает о твоей договоренности с Джумалом, я полагаю, что смогу начать приглашать ее по вечерам, если она сможет уходить. Тогда мне не придется пропускать так много работы. А что?

— Она нам больше не нужна.

— Почему?

— Ну, во-первых, я уже говорила тебе, насколько возбуждает моя беременность, а ты сказал в суде, что выполняешь свои мужские обязанности.

— Ты просишь меня быть твоим настоящим мужем?

— Ты и есть мой настоящий муж, Джек. Документы не фальшивые, как и свадебная церемония. По закону я — Глория Марселла Стэнтон, и все что я говорю, это то, что мне пора стать для тебя настоящей женой.

— А что произойдет после того, как родится ребенок, и все те гормоны, которые заставляют тебя возбуждаться, успокоятся?

— Это ничего не изменит, Джек, мы все равно будем в браке.

— Что произойдет по истечении пяти лет?

— Это будет твой выбор, Джек.

— Ты в этом уверена?

— Никогда в жизни не была так уверена в этом. У меня есть честный перед богом рыцарь в сияющих доспехах, и я была бы полной дурой, если бы позволила ему уйти.

— Хорошо. Мы договоримся с Салли Энн и дадим ей приятный бонус за то, что она предупредила нас о происходящем, а затем, я думаю, мы просто посмотрим, что произойдет.

— Ты хочешь, чтобы я переехала в твою комнату, или ты переедешь в мою?

— Что ты имеешь в виду?

— У мужчин иногда бывают проблемы с эго, Джек. Сможешь ли ты спать в кровати, где я провела так много времени с Джумалом?

— Рассматривай это, как осуществление моих прав на мою территорию после его изгнания с нее.

— О, Джек, ты — такой романтик